

Марат Валеев

И ЛУЧШЕ НЕ БЫВАЕТ!

Рассказы

Марат Валеев

И лучше не бывает! Рассказы

«Издательские решения»

Валеев М.

И лучше не бывает! Рассказы / М. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936828-7

«О, я их до сих пор помню, эти запахи моего села, бывшего казачьего прииртышского форпоста Пятерыжск: теплого парного молока, свежескошенной луговой травы, дыма сжигаемой в огородах ботвы, кипящей в белоснежном цветущем черемухи, горечь степной полыни, благоухание созревающей алой земляники и щекочущий ноздри аромат влажных груздей...»

ISBN 978-5-44-936828-7

© Валеев М.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
За ёлкой	7
Воробышек	12
Кино, кино...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

И лучше не бывает!

Рассказы

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2018

ISBN 978-5-4493-6828-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Моё детство прошло на берегах седого Иртыша. И это было настоящее детство – с содранными коленями, с цыпками, с облупленным от жаркого солнца носом. Я благодарен судьбе за то, что не было у нас тогда, в 50-6-е годы прошлого века, ни видеоприставок, ни компьютеров, ни даже телевизоров, и дни нашего счастливого детства проходили в тесном единении с природой, очень живописной в пойме Иртыша.

Нас ничто не держало дома (ну разве что некоторые обязанности по оказанию помощи родителям в ведении домашнего хозяйства), и мы часами, до посинения, могли купаться в его теплых водах, удить чебачков и с гордостью нести домой бидончики с этой мелкой рыбешкой. А мама их потом терпеливо чистила и жарила на сковороде, и восхитительный запах жареных чебаков вырывался из дома наружу и гармонично вплетался в палитру других сельских запахов.

О, я их до сих пор помню, эти запахи моего села, бывшего казачьего прииртышского форпоста Пятерыжск: теплого парного молока, свежескошенной луговой травы, дыма сжигаемой в огородах ботвы, кипящей в белоснежному цвету черемухи, горечь степной полыни, благоухание созревающей алой земляники и щекочущий ноздри аромат влажных груздей...

Но, конечно, не только в забавах протекало наше сельское детство. Мы с малых лет понимали глубинную суть поговорки «Без труда не вынешь рыбку из пруда», и как могли помогали родителям создавать семейное благополучие. Убирались в сараях, задавали корм домашним животным, копали огород и поливали грядки.

Ну а после трудов праведных наслаждались заслуженным отдыхом. И он, конечно же, был очень активный – на сельских улицах, на природе. Не обходилось при этом без всякого рода приключений. Все это нашло свое отражение в сборнике моих рассказов, которые, как мне кажется, учат детей добру, любви к природе и братьям нашим меньшим, послушанию и трудолюбию – качествам, без которых немислимо формирование личности.

За ёлкой

В конце 50-х, осенью, мои родители почему-то сорвались с места – мы тогда только начали обживать в Казахстане, да, видать не совсем удачно, – и уехали на северный Урал, в Краснотурьинск.

Там жили наши родственники, причем папин двоюродный брат был женат на маминой старшей сестре. У них была просторная трехкомнатная квартира в двухэтажном каменном доме сталинской постройки, в которой они нас временно и приютили. Помню, что их там самих было четверо (родители и две дочери, мои кузины), да нас столько же – у меня был еще и младший брат. Но жили, что называется, хоть и в тесноте, да не в обиде.

Приближался новый, 1959-й год. Не знаю, откуда я знал про новогоднюю елку – в своей деревенской школе на ней еще не успел побывать, потому что только начал учиться в первом классе, а здесь, в Краснотурьинске, меня в школу почему-то не устроили, так что мне была уготована участь второгодника поневоле, – но вот знал, и все тут. Скорее всего, из запавших в детскую мечтательную душу картинок букваря.

Побывать на елке в городской школе, в отличие от моих сестренек, мне не светило. Но, может, хотя бы дома наши общие родители поставят красавицу-елку и украсят ее, как полагаются, всякими блестящими и разноцветными игрушками?

– Нет, – говорили мне взрослые. – Зачем? Не до елки нам. Да и никогда не ставили ее.

Я не находил поддержки ни у своих папы и мамы, приходивших с работы усталыми и раздраженными, ни у родителей кузин, тоже замороченных своими взрослыми делами. И я загрустил. Уж очень хотелось мне похороводиться вокруг разукрашенной елки со своими сестренками. А детская мечта, если кто помнит, она практически неотвязная.

Но где ее взять, эту елку, коль взрослые совершенно равнодушно отнеслись к моей идее-фикс и совершенно не горели желанием раздобыть лесную красавицу, а уж тем более взгромоздить ее посредине квартиры.

И тут я додумался, где можно раздобыть елку, причем самому. Дом наших родственников стоял почти на самой набережной водохранилища, образованного плотиной на небольшой реке Турья. А на той стороне замерзшей и заснеженной запруды, на расстоянии всего нескольких сот метров от нашего дома, на фоне белого снега четко зеленели островерхие ели. Точно такие, как на картинке в букваре, только без украшений. Дело оставалось за малым. То есть за мной.

Пока сестренки были в школе, мне разрешали гулять во дворе самому, потому что дома всегда находился кто-то из взрослых (они работали в разные смены), вот он-то и приглядывал за мной. И я заранее нашел в кладовке ножовку и припрятал ее под обувной шкафчик. А в один из последних декабрьских дней, уходя на очередную прогулку по двору, я прихватил инструмент с собой. Тогда дома «дежурил» дядя Карим, и к своим обязанностям он относился спустя рукава, считая, что парень я достаточно взрослый и сам смогу позаботиться о себе.

День этот был довольно стылый – как-никак, северный Урал, – и снег отчаянно скрипел под моими валенками, а мороз сразу принялся покусывать нос и щеки. Но это меня не пугало – я уже успел познакомиться с морозами в Казахстане, на Иртыше. И лишь поплотнее подвязал шарф, поглубже засунул руки в вязаные варежки, и, помахивая сверкающей на солнце ножовкой, бодро направился прямо к темнеющей за белым полотном замерзшего водохранилища зубчатой кайме хвойного леса.

Это белое снежное полотнище под разными углами пересекали несколько протоптанных тропинок, и по ним передвигались редкие фигурки людей – кто-то шел туда, к лесу, а кто-то уже и обратно, и можно было разглядеть, что они несут на своих плечах елки. Это меня вдохновило – значит, мой план вполне осуществимый!

Я спустился с набережной и, выбрав одну из кратчайших, на мой взгляд, тропинок, пошел на ту сторону водохранилища. Несмотря на морозный день, очень скоро мне стало даже жарко; весь заиндевелый от моего горячего дыхания шарф уже сполз с носа и болтался где-то на шее, ноги стали гудеть от усталости – в валенках, да еще на размер больше, на дальние расстояния передвигаться не так-то просто.

Наконец, я пересек водохранилище, поднялся, оскальзываясь, на невысокий берег. Лес с зеленеющими соснами и елями, был совсем рядом, метрах, может быть, в десяти-пятнадцати. Россыпь одиночных следов и узенькие колеи протоптанных в снегу тропинок указывали на то, что он очень активно посещается горожанами.

Вот прямо на меня вышел большой такой дяденька в телогрейке и шапке с опущенными ушами, в мохнатых унтах. Он валко шел по тропинке мне навстречу, дымя свисающей из уголка рта папиросой. На плече у него лежала пушистая елка.

Проходя мимо, он хмыкнул, критически осматривая меня:

– Ты чё, пацан, сам, что ли, пришел сюда?

– Сам! – независимо ответил я, стараясь не шмыгать предательски хлюпающим носом – простуду уже, похоже, подхватил.

– Ну-ну, – выплюнув окурочку в снег, сурово сказал дяденька. – Смотри, не околеи тут. Сегодня почти тридцать мороза.

Он поправил елку на плече, и потопал себе дальше. Но мне пока еще не было холодно. И я уже наметил себе елочку – немного выше меня ростом, вся такая стройная и с кокетливыми снежными пуфиками на узеньких покатых плечах, она застенчиво выглядывала из-за голого светло-желтого ствола большой сосны, ветки на которой начинались очень высоко.

Я сошел с тропинки и тут же по колено провалился в снег, испещренный редкими следами чьих-то лап и лапок, звериных и птичьих. Идти было тяжело, но желанная елочка – вот она, совсем рядом, и я упрямо поплыл к ней по глубокому снегу.

Валенки у меня были хоть и высокие, но широкие в голенищах, и я чувствовал, что загребая ими снег внутрь, и вот он уже начинает таять под вязаными носками, носки промокают, и подошвы мои начинают чувствовать холодную влагу. Но это ничего, главное, я уже дошел до выбранной мной пушистой красавицы!

Увидев меня, с заснеженной елочной ветви вспорхнула красногрудая птица, я еще подумал: вот бы хорошо было, если бы она осталась, какое это было бы замечательное украшение! Да, кстати, а чем же мы будем украшать мою елочку, когда я принесу ее домой? Если мои родственники ее никогда не ставили, значит и елочных игрушек у них нет? Я как-то об этом не подумал... Ну да ладно, главное, поставить елку, а украсить чем найдем! У моих двоюродных сестриц, я видел, полная коробка разноцветных фантиков, есть куклы, большие и маленькие, полно красивых бантов, так что разберемся!

Но сначала надо спилить мою красавицу. Елочка утопала в снегу, и ее нижние ветви почти лежали на белоснежном покрове. Чтобы подобраться к стволу деревца, мне пришлось руками выгрести из-под ее хвойных лап снег и утоптать для себя рабочую площадку.

И вот я, наконец, встав на коленки под елкой (она сопротивлялась и норовила заехать своими колючими ветвями мне в лицо, залезть за шиворот), стал елозить стальными зубцами ножовки по чешуйчатому стволу. Но сил моих явно не хватало, чтобы сделать запил. И я тогда второй рукой ухватился за полотно ножовки, стал надавливать на нее, и дело пошло живее. Из-под зубцов инструмента стали сыпаться белые сырые опилки. Их становилось все больше и больше, а ножовка вгрызалась в ствол все глубже.

Я сопел, пыхтел, сморкался, елозил коленками по стылой земле, останавливался, чтобы хоть с полминуты отдохнуть, и снова принимался дергать ножовку туда-сюда. И вот елка закачалась, закачалась, послышался легкий треск, и деревцо медленно свалилось на снег, оставив после себя маленький пенек с заостренной щепочкой на месте слома. И я с удивлением поду-

мал: до чего же ствол тоненький, а я пилил его так долго, как какой-нибудь лесоруб большое толстое дерево.

Я обошел елочку вокруг и с удовлетворением отметил, что она целая, это потому, что упала в глубокий снег и ветви ее спружинили, только немножко просыпала своих маленьких зеленых колючек.

Что ж, осталось в такой же сохранности донести ее домой. Взять елку на плечи, как давешний дядька, и не помышлял – это мне по силам. Остается только волочить ее за собой. Что я и сделал: обхватил крепко конец ствола двумя руками, и поволок из леса по своим следам к утопанной тропинке, а по ней уже спустился на заснеженный лед водохранилища, и бодро потопал к виднеющемуся на той стороне, тогда еще немногэтажному, Краснотурьинску с сизыми дымками над крышами домов и толстыми дымными столбами из каких-то высоких труб.

Там было тепло, уютно, там, на кухне в квартире моих родственников, всегда на столе стоит чашка с теплыми оладушками или блинами, чайник фырчит на газовой плите. Как мне захотелось в тепло! А все потому, что ноги мои и руки в сырых валенках и варежках начали коченеть. Волочащуюся за мной с негромким шуршанием елку уже трудно было удержать, и она все норовила вырваться из моих плохо гнувшихся в промерзших варежках пальцев. А противоположный берег приближался очень медленно. Наверное, потому, что я шел все время то задом, то боком, по-другому тащить елку никак не получалось.

Изредка идущие навстречу или обгоняющие люди (хождение через водохранилище было довольно активным) смотрели на меня с удивлением и сочувствием, кто-то даже предлагал свою помощь. Но я упрямо мотал головой, хотя по лицу уже начали скатываться злые слезинки отчаяния, и я продолжал волочить свою елку, изредка вскидывая голову и замечая, что городская набережная, хоть и медленно, но все увеличивается в размерах, и я даже увидел свой желтый дом с балконами на втором этаже.

А когда я догадался размотать свой длинный шарф и привязать его одним концом к стволу елочки, а другой намотать на руку и тащить елочку, как собачку на поводке, дело пошло куда веселее. Но тут, когда у меня одна рука оказалась свободной, я обнаружил, что в ней чего-то не хватает. Ножовка! Я ее оставил там, где спилил елку. Дядя Карим потом, конечно, хватится своего инструмента, и выговор мне обеспечен. Но возвратиться обратно было бы выше моих сил – набережная вот она, осталось преодолеть каких-то полста метров. А у меня уже зуб на зуб не попадал от холода. И я махнул рукой на эту пилу – потом, может, схожу за ней, если меня вообще будут выпускать из дома, – и поволок свой лесной трофей дальше, к городу.

Вскоре я вспомнил об еще одном важном деле. Вернее, оно напомнило мне о себе. Видимо, от холода меня так приспичило пописать, что аж зубы зазудели и коленка о коленку начали тереться самопроизвольно. Я сбросил варежки под ноги и попытался стащить с себя штаны – а их я, не будь дурак, в этот далекий поход натянул аж двое. Но скрюченные от холода пальцы не слушались меня, и пока я добрался до резинки штанов, чтобы стащить их вниз, почувствовал, что совершаю детский грех: по моей ноге, в и без того мокрый валенок, заструилась теплая, я бы даже сказал, горячая струйка!

Уфф! Но как же я теперь покажусь дома в мокрых штанах? Хотя бы сестренка еще со школы не было, а то ведь засмеют до слез. Впрочем, они, слезы то есть, от стыда и злости на самого себя, снова не заставили долго ждать. Но раскисать было некогда, я же мужик! Правда, очень замерзший. И, подобрав смерзшиеся рукавицы, я с содроганием натянул их на свои синие негнувшиеся руки, ухватился за конец шарфа-троса и поволок привязанную к нему елку к медленно приближающейся набережной.

Когда стал взбираться наверх, поскользнулся и скатился вниз вместе с елкой и, кажется, обломал ей кое-какие ветки. Погоревал, но немного: деревцо еще вполне имело товарный вид. И снова стал упрямо карабкаться вверх – я ведь был уже почти дома.

Втащить елку в город мне все же помогли – какая-то тетенька, шедшая по своим делам вдоль набережной, увидела, как я карабкаюсь по откосу водохранилища, всплеснула руками, заохала, спустилась ко мне и, крепко взяв за руку в обледенелой варежке, потащила меня наверх.

Я не догадался даже сказать ей «спасибо», да и вряд ли смог бы произнести хоть слово – губы у меня закохленели и плохо подчинялись. Я лишь благодарно посмотрел в соболезнающее лицо своей спасительницы, и, устало переставляя валенки, поволок елку под арку, ведущую в наш двор.

Деревцо я оставил у подъезда – дверь была на пружине, и я сам не смог без повреждений втащить свою пушистую ношу к нашей лестничной площадке на первом этаже. Хотя она, бедная, и без того пострадала: нижние ветви, на которых елочка волочилась за мной на привязи, потеряла часть своих иголок.

Я постучал в дверь, но она вдруг подалась и сама открылась. Из глубины квартиры тут же вышел дядя Карим.

– Вот он, заявился! – закричал дядя Карим. За ним в прихожую вышла и мама. Она держалась за сердце.

– Ты где был? – слабым голосом сказала мама.

В тепле квартиры мои закохленевшие губы тут же отошли и смогли вымолвить:

– За елкой ходил. Она там, на улице...

– За какой еще елкой? – вытаращил глаза дядя Карим. – Куда ходил?

– В лес...

– В лес... – эхом повторила мама, и тоже округлила глаза. – В какой лес?

– Вон туда, – махнул я рукой в сторону водохранилища, стуча зубами – хотя в квартире было очень тепло, но я продрог настолько, что меня по-прежнему колотил сильный озноб. – Дядя... дядя Карим, за...занесите елку, а?

Дядя Карим что-то буркнул сердито, и как был – в тапочках, вышел за дверь. Через минуту он уже затащил в прихожую и прислонил в угол мою потрепанную, немного осыпавшуюся, с двумя или тремя надломанными и безвольно повисшими ветками, но все еще красивую и стройную, елку. Иголки ее тут же начали покрываться росинками от таявшего снега, будоражуще запахло хвоей.

– Как же ты мог сам уйти? – продолжала заламывать руки моя бедная мама. – Ты понимаешь, что ты мог замерзнуть?

Отец обедал обычно на работе, да и сестренки из школы не пришли, так что более крупных разборок из-за самовольного похода за елкой и позора из-за мокрых штанов мне, пожалуй, удастся избежать. А мама что... поворчит и перестанет, на то она и мама.

– Рая, я и не думал, что он куда-нибудь со двора уйдет, – виновато сказал дядя Карим. – Ну, гуляет и гуляет, как всегда. А потом вижу, чего-то долго не возвращается. Я во двор, а его нигде нет... Я туда, сюда – нету. А он вон куда намылился! Додумался же, а? Ну, и что нам с ней делать, с этой твоей елкой?

– Поставить ее в комнате и нарядить, – подсказал я дяде Кариму.

– Да подождите вы с елкой, надо же ребенку раздеться сначала, он уже весь мокрый от снега, – запричитала мама, и тут же, усадив меня на табуретку, стала расстегивать на мне пальто, стаскивать валенки...

Скоро я, выкупанный в теплой воде с горчичным порошком и докрасна растертый полотенцем, сидел на кухне и пил горячий чай с малиной. А дядя Карим хлопотал с елкой, устанавливая ее в центре самой большой комнаты.

Он, конечно, хватился ножовки, когда взялся сооружать крестовину. И даже не упрекнул меня, когда узнал, что я потерял ее в лесу («Ладно, ладно, племян, хоть сам вернулся жив-здоров!»), а попросил инструмент у соседей.

Тут и девчонки из школы пришли. Сколько было радостного визга, когда они увидели елочку, расправившую все свои пушистые и не очень ветви (сломанные дядя Карим как-то подвязал) посреди гостиной! Они, даже не переодевшись, тут же бросились ее украшать фантиками из своей коллекции, ватными «снежинками», разноцветными лентами бантов. А пришедшая к вечеру с работы тетя Ася вытащила припрятанные к Новому году шоколадные конфеты и позволила немалую часть их также развесить на елке.

И, конечно же, в центре внимания в тот вечер была не только елка....

Воробышек

Вот и отступили суровые эвенкийские морозы. За окном – апрель, с крыш закапало, во дворе нашего дома весело зачирикали воробьи. В сорока-пятидесятиградусные морозы их не видать и не слышать – прячутся где-то, бедолаги, от лютой стужи. А тут, пожалуйста, – объявились, радостно прыгают по двору, склёвывая какой-то только им видимый корм. Мне же при их виде сразу вспомнились далёкое детство, моя родная деревушка Пятерыжск на высоком песчаном берегу седого Иртыша, и вот эта история, связанная именно с воробышком.

Стояло жаркое, настолько жаркое лето, что босиком по пыльным сельским улицам ходить было невозможно – раскалённый песок обжигал ступни. Мне тогда было лет семь, моему брату Ренату – около пяти. И вот в один из таких знойных дней мы почему-то вместо того, чтобы отправиться купаться, забрались с ватагой пацанов на пустынную в эту пору территорию совхозного склада – играть в прятки. А может быть, залезли мы туда уже после купания – точно не помню.

За худым забором высились амбары для зерна, комбикормов, бугрились крыши врытых в землю ледников для мяса, хранились нагроможденные друг на друга конные сани, пылились зернопогрузчики с длинными железными шеями-транспортёрами, тянулись штабеля дров. Между амбаров и за ними буйствовали заросли чертополоха и конопли, лебеды. В общем, рельеф – самый подходящий для игры в прятки.

Я, как старший брат, всегда старался держать в поле зрения Рената, и потому мы вместе побежали прятаться за весовую. Это такое небольшое строение под шиферным навесом перед огромными напольными весами. А за весовой мы увидели вот что: под стеной одного из семенных амбаров глянцево блестела под лучами белого раскаленного солнца чёрная и неприятно пахнущая битумная лужа диаметром примерно метра три-четыре. В центре неё валялись несколько порванных бумажных мешков.

Битум находился в них, но они полопались, когда их небрежно свалили здесь ещё в прошлом году. Осень, зиму и весну мешки с битумом, который должны были пустить на ремонт кровли прохудившихся амбаров, вели себя прилично. Крыши чинить почему-то никто не торопился, а в жару битум растаял и поплыл из дырявых мешков.

В центре этой чёрной лужи мы увидели отчаянно трепыхающегося и уже хрипло чирикающего воробышка. Ему в ответ галдела целая толпа его сереньких собратьев, сидящих на колючих ветвях растущей рядом акации, а также вприпрыжку бегающих по самому краю битумной лужи. У воробышка прилипли лапки и кончик хвоста. Глупыш, как он туда попал? А, вот в чём дело: к поверхности коварной лужи прилипло множество кузнечиков, бабочек и ещё каких-то козявок. Видимо, воробышек захотел кого-то из них склюнуть, вот и прилип.

Я еще не успел подумать, что же можно сделать для погибающего воробышка, как Ренат что-то крикнул мне и побежал по чёрной лоснящейся поверхности к трепыхающемуся комочку. Хотя где там – побежал. Он сделал всего несколько шагов, и битум цепко прихватил его за сандалики. Братишка дёрнулся вперёд, назад, потерял равновесие, одна его нога выскочила из сандалики, он упал на бок и испуганно закричал. На нём, как и на мне, были только сатиновые трусишки. Ренат сразу влип в битум одной ногой, боком и откинутой в сторону рукой.

– Ой, мне горячо! – захныкал братишка. – Вытащи меня отсюда!

Я страшно испугался за него, но не знал что делать. Взрослых нигде не было видно, а пацаны разбрелись и попрятались по всей большущей территории склада – не забывают, мы ведь играли в прятки. К стене весовой будки было прислонено несколько широких досок. Я уронил одну из них на землю, притащил к чёрной луже и подтолкнул к продолжающему плакать брату. Затем прошёл по доске к нему и попытался за свободную руку выволить из плена.

Но Ренат прилип намертво. Я дёрнул его за руку ещё раз, другой, и чуть не упал рядом с ним сам. Ренат заревел с новой силой. А перепуганный воробышек, из-за которого мы и влипли в эту историю, напротив, замолчал и лишь часто открывал и закрывал свой клювик.

И тут, на наше счастье, на территорию склада с обеда пришли несколько женщин, работающих на очистке семенных амбаров под приём нового урожая. Они нас увидели, заохали, запричитали. Но не растерялись, а быстро притащили откуда-то несколько лопат. Этими лопатами женщины начали поддевать с краю и сворачивать в рулон эту битумную массу. Подвернув этот чудовищный блин почти впритык к временно умолкнувшему и во все глаза наблюдавшему за собственным спасением братишке, они дружно, в несколько пар рук, вытянули его из битумной массы.

Ренат стоял на твердой земле без сандалий – они остались там, где он только что лежал, – и дрожал, несмотря на жару, а с его правого бока, ноги и руки свисали чёрные битумные лохмотья и сосульки. Он был так нелеп и смешон в этом виде, что я не выдержал и захихикал. Засмеялись и женщины – но это, скорее, был смех облегчения, – и пошли в свой амбар работать.

– Ну, татарчата, бегите домой! – деланно строго сказала задержавшаяся около нас наша соседка тётя Поля (она тоже работала на складе). – Обрадуйте мамку. А я сейчас попрошу управляющего, чтобы вам подвезли солярку.

– Зачем? – удивился я.

– А как Ренатку-то отмоете? Только соляркой, – сказала всё знающая тётя Поля. – Керосином – оно бы лучше. Да нет его теперь, керосину-то, электричество у всех. Так что и солярка пойдёт.

– Ну, пошли домой, – я взял брата за чистую руку, в уме прикидывая, достанется мне за него от матери или нет.

– Не пойду! – вдруг уперся Ренат. – Воробушек там остался.

А ведь верно, про воробышка-то я и забыл. Он молча сидел в битумной западне, причем уже как-то боком, с полузакрытыми глазками и широко распахнутым клювом. Оказывается, бедолажка прилип к битуму уже и концом одного из крылышек.

– Идите, идите отсюда, он уже не жилец! – прикрикнула на нас тётя Поля. Лучше бы она этого не говорила. Ренат заголосил так, что тётя Поля уронила лопату, а мне заложило уши.

– Спасите воробушка! – в истерике кричал братишка, а из глаз его ручьем текли слёзы. – Вытащите его, а то я снова туда лягу!

– Ты посмотри на этого жалельщика! – всплеснула руками тетя Поля. – Сам чуть живой остался, а за пичужку переживает! Ну ладно, попробую.

Так как битумная лужа уже была скатана с одного конца, до птахи уже можно было дотянуться. Тётя Поля наклонилась над встрепенувшимся и слабо защебетавшим воробышком, осторожно выковыряла его из битума при помощи щепки и протянула его мне:

– Нате вам вашу птицу!

Я завернул обессиленного и перепачканного воробышка в сорванный под забором лист лопуха, и мы пошли домой. Не буду рассказывать, как нас встретила мама. А впрочем, почему бы и не рассказать? Она нас встретила, как и полагается в таких случаях: и плакала, и смеялась, и шлёпала нас (чаще, конечно меня), и целовала (а это уже чаще Рената). Потом она поставила братишку в цинковое корыто и стала оттирать его, хныкающего, жёсткой мочалкой, смоченной в солярке. И солярка стекала по нему на дно корыта уже тёмная от растворенного битума, Ренат же с каждой минутой становился всё чище и чище. А на подоконнике, в картонной коробочке с крошенным хлебом и блюдцем с водой, дремал чисто отмытый сначала в керосине (для него всё же нашли чуть-чуть), потом в тёплой воде воробышек. Ренат не соглашался на солярочную процедуру до тех пор, пока мама первым не привела в порядок спасённого воробья.

Срочно вызванный с работы папа растапливал баньку. Он носил туда вёдрами воду, подносил из поленницы дрова, при этом что-то бормоча себе под нос и удивлённо покачивая головой – мама ему всё рассказала.

А дальше было вот что. Уже на следующий день по распоряжению перепуганного управляющего отделением битумную лужу срочно убрали. Ещё через пару дней наш воробышек совсем ожил и был выпущен на волю. Во двор его вынес, осторожно держа в горсти, сам Ренат. Он поцеловал птичку в светло-коричневую головку и разжал пальцы. Воробышек взмахнул крылышками, взлетел на верхушку клёна в палисаднике и громко зачирикал оттуда. Может быть, он благодарил нас на своем воробыином языке за его спасение? Довольные, мы побежали с братом купаться на любимое озеро. Там уже с утра самозабвенно плескались в тёплой, парной воде наши друзья, и их счастливые визг, крики и смех разносились очень далеко окрест. А впереди у нас было ещё много таких безмятежных дней и всевозможных приключений...

Кино, кино...

Что кино имеет важнейшее значение в жизни моих родителей, я понял тогда, когда сам на него еще не ходил. Мал был. Как и младший мой братеньник. Но это не мешало матери с отцом бросать все дела, запира́ть нас на замок и убегать на индийские фильмы в сельский клуб. Обратнo они не шли долго – двухсерийные сеансы длились по три часа. А когда возвращались – отец посерьезневший, а мама вся заплаканная, – то, видимо, под впечатлением, произведенным на них только что просмотренным душещипательным фильмом, не сразу и замечали, какой погром мы с братцем обычно учиняли в нашем скромном жилище за время их отсутствия.

А уже где-то лет с семи-восьми в кино начал ходить и я. Сам. Билет на детский сеанс сначала стоил пятьдесят, а после случившейся в 1961 году денежной реформы пять копеек. Конечно, деньги вроде пустячные. Но в начале шестидесятых зарплаты в совхозах выплачивались деньгами лишь частично, остальное заработанное шло в виде натуроплаты, то есть той продукцией, которые сами же совхозники и производили (зерно, мясо, корма для скота). И потому пятак эти на кино мы, сельские детишки, нередко добывали сами. Для этого надо было всего лишь зайти в курятник, вытащить из гнезда яйцо и сбегать с ним в магазин.

Наша бессменная продавщица тетя Дуся добродушно спрашивала:

– Чё, в кино, ли чё ли, собралси?

И осторожно принимала из моей ладошки белоснежное или желтоватое, нередко с прилипшим перышком, свежее яйцо, клала его в специально заготовленный ячеистый поддон, и выдавала взамен пятак. Ровно столько – пять копеек стоило тогда одно яйцо. Сельпо вело в те годы сбор яиц от населения прямо через свои магазины. Но оставим эти товарно-денежные отношения, а поспешим с вырученным пятачком в клуб.

Это было обычное для нашей североказахстанской местности то ли саманное, то ли камышитовое – назвать его «зданием» язык не поворачивается, так что пусть будет вот так: строение, – под серым потрескавшимся шифером, с побелкой по глинобитной штукатурке. На коньке его болталось выцветшее почти до белесого состояния бывшее красным знамя, а у входа к стене был прибит фанерный щит для всяких важных объявлений и для киноафиш. Афиша обычно писалась корявым почерком самим же киномехаником дядей Ваней Ляпиным или поаккуратнее – его женой, тушью или обычной детской краской на плотной бумаге.

Помню, когда я повторно учился в первом классе, и мои одноклассники еще только рисовали палочки в тетрадках в косую линейку, а я уже умел читать (второгодником стал не по своей вине – родители посреди учебного года чего-то сорвались с места и уехали жить на Урал, со мной, конечно. Но через полгода вернулись – что-то там у них не задалось, и я снова пошел в первый класс), девчонки на переменке кокетливо брали меня за уши и вели к афише, чтобы я прочитал им, какой сегодня будет фильм. И, поупиравшись совсем немного, чтобы и значимость свою повысить в девчоночьих глазах, и уши сберечь, я бойко зачитывал им название очередной киношки.

Какие они тогда были? Поначалу только черно-белые. Конечно, «Чапаев» – а куда без него? Потом «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Смелые люди»... Первый цветной – «Морозко», в героиню которого, нежную и пленительную Настеньку, я влюбился с первого взгляда, еще куча каких-то сказок с уморительными персонажами – Бабой-Ягой с радикулитом, зловещим вроде, но все равно смешным Кощеем Бессмертным...

Да всего и не упомнишь. Тогда модным было (не знаю, может быть, только в нашей деревне) коллекционирование названий просмотренных картин, и не только лично самим коллекционером – свой вклад в твою «фильмотеку» могли внести и родители, родственники.

Я тоже какое-то время «собирал» фильмы, для чего завел специальную тетрадку, куда и записывал безо всякой систематизации, но под индивидуальными номерами, названия фильмов. Собрал их что-то около сотни, а потом забросил, так как с головой ушел в новое увлечение – коллекционирование этикеток со спичечных коробков. Конечно, больше всего я любил, как и все пацаны, военные фильмы, в которых наши были самые храбрые, честные и справедливые, а не наши – жестокими и придурковатыми извергами, вызывающими ненависть, смешанную с презрением. Конечно же, обожал кинокомедии, из которых особенно запомнился британский фильм «Стук почтальона».

Проделки главного героя так насмешили меня, что я, где-то в середине фильма, будучи уже не в силах усидеть от сотрясающего меня хохота на жесткой клубной лавке, свалился на пол и буквально корчился там в конвульсиях. Это была самая настоящая истерика, у меня страшно болел живот от непрерывного смеха. Впрочем, это помешательство творилось практически со всем залом – такой убойной оказалась сила английского юмора, сразившего наповал маленьких зрителей в далекой казахстанской деревушке в начале 60-х годов.

Не знаю, как восприняли этот фильм потом взрослые, на своем вечернем сеансе – родители мои на него не пошли, так как готовы были забросить все свои домашние дела только ради индийских картин, страстными поклонниками которых они оставались всю свою жизнь. А я больше никогда так в своей жизни не смеялся, да и фильма этого повторно уже не видел. Правда, спустя много лет, в какой-то телевизионной передаче, посвященной зарубежному искусству, про «Стук почтальона» немного рассказали и даже показали фрагмент из него. Как раз тот, после которого я и свалился под лавку в нашем сельском клубе. А в этот раз – ничего, усидел, поулыбался только. Выходит, не такой уж и смешной была та картина? Конечно, хорошо бы еще раз посмотреть «Стук почтальона», чтобы понять, что к чему, отчего это я так безудержно хохотал на просмотре фильма тогда, в далеком своем детстве. Но, увы, что-то никто не спешит вытаскивать эту ленту из пыльных запасников.

Однако я перескочил через главное: посредством каких же технических средств тот самый киномеханик дядя Ваня Ляпин демонстрировал нам картины? В его распоряжении была киноустановка, которая торчала на трехногом штативе не в отдельной будке, а практически среди зрителей, в самом начале зала, работала только от своего маленького движка на железных полозьях, который на время сеанса с помощью добровольцев вытаскивался из какого-то чулана при клубе, заводился киномехаником и тархтел беспрерывно все полтора часа (ну или три, если фильм был двухсерийным, главное, надо было вовремя подлить бензинчика в бак).

Нередко случалось, что старенький движок начинал капризничать, чихать и кашлять, не желая заводиться. Тогда вокруг колдующего над механизмом киномеханика тотчас же собиралась толпа знатоков из кинозрителей, наперебой советующих ему, что и как надо правильно делать. Дядя Ваня Ляпин, не стеснясь, посылал всех куда подальше и обычно сам доводил дело до конца – то есть до начала работы генератора.

Убедившись, что ток пошел, он и сам топал следом в нетерпеливо гомонящий зал, становился за трехногий, подсвеченный собственной лампочкой двухбобинный аппарат и после ряда манипуляций запускал его. Тот начинал стрекотать, и тут же темный зал рассекал яркий конусообразный луч, упирающийся в белую простыню экрана. И бывший невзрачным до этого экран этот, на котором при обычном освещении видны были все морщины, заплатки, какие-то желтые пятна, тут же превращался в чудодейственное окно в иной, волшебный мир, полный невероятных историй и приключений, захватывающих странствий в далекие и загадочные страны...

И какое разочарование постигало всех в тот момент, когда пленку вдруг начинало заедать, а на застывшем кадре, прямо по черно-белой картинке, вдруг начинали расплываться безобразные желто-коричневые язвы и пузыри. Это означало, что лента прогорела, и дядя Ваня Ляпин под свист, улюлюканье и топанье ногами зрителей, нехотя огрызаясь, останавли-

вайт фильм и тут же ножницами вырезает выгоревший кусок, чем-то склеивает концы ленты, и вновь запускает аппарат.

Угомонившийся зал тут же снова вливается глазами в оживший экран. Однако ненадолго: фильм опять прерывается – часть кончилась. На этот раз зрители, зная, в чем дело, лишь терпеливо шмыгают простуженными носами и покашливают, негромко обмениваясь впечатлениями от просмотренного. А киномеханик в это время сноровисто меняет прокрученную часть на следующую, и снова горизонтальный клин белого и пыльного света падает на полотнище экрана. Фильм продолжается!

Что интересно, деревушка наша была маленькой, всего на несколько десятков дворов, но зрителей всегда набиралось столько, что клуб бывал забит битком, хоть на взрослых, хоть на детских сеансах. Родители мои, когда еще был старый клуб, отправляясь в кино, всегда прихватывали с собой из дома табуретки – чтобы ни с кем не ссориться из-за места на клубных лавках, так как билеты продавались без обозначения на них мест.

А на детских сеансах те, кому не хватало места – располагались на полу перед первым рядом. Конечно же, это были пацаны, даже те, у кого было место в зрительном ряду. Но на полу куда интереснее! Тут можно покувыркаться, пока фильм еще не начался, можно не сидеть, а лежать – хочешь, на животе, хочешь – на боку, кому как нравится.

По мере подрастания мы, пацаны, перебирались с пола нашего клуба на первые ряды, потом все ближе и ближе к самому последнему, и после кино не разбегались по селу, чтобы прихватить в играх еще час-другой перед тем, как матери погонят нас спать, а уже начали оставаться на танцы – сначала под залиvistый баян и шипящие пластинки, потом под ритмичную музыку пленочного магнитофона. И апофеозом походов в киношку становился последний, поцелуйный ряд, вплотную примыкавший к стене кинобудки. Там уже сидели совсем взрослые парни и девушки, до начала фильма старательно не смотрящие друг на друга. Но когда в зале гас свет и бойница кинобудки над головами «дружаших» выстреливала ослепительным лучом, их руки переплетались, а головы склонялись друг к дружке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.